g 54
194

54
3194

6

КРИТИКА

Полицейское право, г. Андреевскаго, профессора С.-Петерб. Университета, т. I. Полиція безопасности, 1871 г. Полиція благосостоянія, 1873 г.

«Посчастливилось въ эти годы полицейскому праву», писали мы въ «Бесѣдѣ» *), по случаю выхода въ свѣтъ перваго тома «Полицейскаго права» г. Андреевскаго. Повторяемъ тоже, по случаю выхода втораго тома его полицейскаго права, особенно по причинѣ заявленія автора, на первой страницѣ книги, гдѣ говорится, что перваго тома уже не находится въ продажѣ. Очевидно, что и второй томъ, какъ продолженіе и завершеніе сочиненія, сохраняя тотъ же и даже большій объемъ, а именно въ 800 слишкомъ страницъ,—тоже направленіе и достоинство,—и туже цѣну, разойдется вполнѣ такъ же скоро. Нельзя не радоваться такому литературному успѣху, имѣя въ виду спеціальность предмета, современную нелюбовь къ чтенію книгъ, замѣняемыхъ журналами, и даже самое содержаніе сочиненія—полицейскія мѣры безопасности и благосостоянія. Но, кромѣ радости за успѣхъ своего дѣла, есть у литературы обязанности—критически относиться къ своимъ произведеніямъ. Вторымъ томомъ своего, «полицейск. права» г. профессоръ покончилъ свой предметъ, представилъ полный курсъ своихъ чтеній, далъ возможность вполнѣ ознакомиться съ его взглядомъ на дѣло, и критикѣ остается произнести мотивированный приговоръ надъ авторомъ и его трудомъ. Сдѣлаемъ посильную попытку.

---

*) „Бесѣда", 1871 г.

Всего болѣе научаемся мы отъ противниковъ нашего мнѣнія. Г. профессоръ Андреевскій, дѣлавшій мнѣ честь указаніемъ на мое сочиненіе: «Русскій народъ и государство, или Русс. Общ. право», въ своемъ I т., не упускаетъ случая упомянуть и про разныя мои статьи, по предмету, во II т., но ни однимъ словомъ не касается здѣсь рецензіи, написанной мною на его первый томъ. Принимая въ разсчетъ, что нашъ авторъ читалъ все, касающееся его предмета, и все занесъ въ свою книгу, нельзя предполагать, что бы онъ не видалъ того, что относится до его сочиненія. Стало быть, его молчаніе есть отрицаніе моихъ воззрѣній, и новый томъ его «Полиц. Права» долженъ, такъ сказать, самымъ дѣломъ опровергнуть подобныя воззрѣнія. Такимъ образомъ, авторъ возражаетъ на мои замѣчанія дѣломъ; мы съ нимъ препираемся, и я считаю такое отношеніе для своего ученія весьма полезнымъ. Можетъ быть, это принесетъ пользу и внимательнымъ читателямъ; но для тѣхъ изъ нихъ, которымъ не попадалась наша рецензія въ руки, естественно требовать, что бы споръ былъ начатъ сначала, и мы вкратцѣ повторимъ нѣкоторыя положенія спора.

Свое «Введеніе» къ первому тому авторъ посвятилъ изложенію своей теоріи, и началъ такъ: «Для жизни человѣка, для развитія его способностей и возможности достиженія его человѣческихъ цѣлей необходимы извѣстныя условія: между ними главнѣйшее мѣсто занимаютъ безопасность и благосостояніе. Условіе безопасности обезпечивается предупрежденіемъ и пресѣченіемъ опасностей, могущихъ грозить какъ отъ злой воли другихъ людей, такъ и отъ силъ природы и различныхъ несчастныхъ случаевъ. Условіе благосостоянія достигается возможностью пріобрѣсти и пользоваться извѣстнымъ количествомъ благъ матеріальныхъ и кромѣ того возможностью достигать извѣстнаго развитія духовнаго. Для созданія такихъ условій недостаточно отдѣльныхъ, единичныхъ силъ человѣка: необходима совокупная дѣятельность людей; такая дѣятельность является въ государствѣ. Такая дѣятельность цѣлаго государства (отдѣльныхъ лицъ, союзовъ, общества и правительства) есть дѣятельность полицейская въ обширномъ смыслѣ. Полицейская дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. полицейская дѣятельность правительства заключается въ наблюденіи за предпріятіями частныхъ лицъ, союзовъ и обществъ и въ принятіи съ своей стороны мѣръ для обезпеченія извѣстныхъ усл вій при недостаточности частной и

общественной дѣятельности».—Съ своей стороны, мы замѣтили, что 1) авторъ въ этихъ строкахъ выразилъ все свое воззрѣніе на предметъ,—на этихъ словахъ основалъ все зданіе своей науки,—отсюда вывелъ оправданіе всѣхъ своихъ положеній,—тутъ онъ далъ такъ называемое опредѣленіе своей науки. 2) Что авторъ говоритъ здѣсь о человѣкѣ, о человѣческой жизни, явно противополагая человѣка гражданину, подданному, о которыхъ даже не упоминаетъ, толкуя о жизни человѣка, о способностяхъ человѣка, о цѣляхъ человѣческихъ и т. п. Мы прибавили, что автору слѣдовало тутъ остановиться подолѣе, что бы рѣзче выразить различіе между человѣкомъ и гражданиномъ, — между жизнію человѣка и гражданина,—между цѣлями человѣческими и гражданскими, и тѣмъ точнѣе опредѣлить смыслъ положенія полиц. права, говорящаго со временъ Вольфа, Деламара, Берга именно о совершенствованіи человѣка, о félicité parfaite, о благосостояніи и т. п. 3) Мы замѣтили неточность выраженій, допущенныхъ авторомъ въ самомъ основномъ мѣстѣ сочиненія, т. е. въ опредѣленіи его полиціи. Такъ онъ соединилъ въ одну мысль столько различныхъ понятій, какъ «жизнь человѣка», развитіе человѣческихъ способностей и «возможность достиженія человѣческихъ цѣлей», потому что для жизни нужно одно, для развитія способностей—другое, а для достиженія человѣческихъ цѣлей—третье. Напр. для жизни человѣка нужны воздухъ, свѣтъ, теплота, пища, вообще физическіе предметы; для развитія его способностей, памяти, воображенія, разума, необходимо общество, съ его языкомъ, примѣромъ, ученьемъ. Очевидно, что для такихъ различныхъ явленій не можетъ быть только два—три условія, напр. безопасность и благосостояніе. Самъ авторъ называетъ ихъ только важнѣйшими, отдѣляясь отъ остальныхъ словомъ: извѣстныхъ, т. е. собственно неизвѣстныхъ. Останавливаясь на выраженіи: условіе, мы сказали, что благосостояніе нельзя признать условіемъ на такомъ же основаніи, какъ безопасность: говоря объ условіяхъ жизни и развитія, можно говорить о безопасности, но говоря о цѣляхъ человѣческой жизни, вы остановитесь на благосостояніи или счастіи. Чего же больше требовать даже отъ полиціи въ смыслѣ нашего автора?

4) Переходя къ дѣятельности, которою, по автору, совершается и дѣло безопасности, и дѣло благосостоянія, мы настаивали, что такая дѣятельность должна принадлежать человѣку,

и только человѣку, отдѣльно ли взятому, или въ союзѣ человѣческаго общества, но не полиціи, иначе придется и отца семейства, и служителя алтаря, и ученаго, и художника назвать полицейскими агентами, что нелѣпо.

5) Наконецъ разборъ опредѣленія мы заключили надеждою, что авторъ, упоминающій здѣсь объ обществахъ—о семьѣ, общинѣ, земствѣ, народѣ, наконецъ обратитъ на него вниманіе, подвергнетъ его изученію, и сдѣлаетъ выводъ, что все человѣческое совершается человѣкомъ и человѣческимъ обществомъ, въ отличіе отъ всего гражданскаго, совершаемаго гражданиномъ, съ его союзами, и отъ всего государственнаго, достигаемаго государствомъ, или правительствомъ.

Затѣмъ, для нагляднаго доказательства смѣшенія понятій въ книгѣ г. Андреевскаго, и происходящаго оттуда весьма неудачнаго рѣшенія вопросовъ, мы обратились къ анализу содержанія съ перваго тома, говорящаго о полиціи безопасности. При чемъ сдѣлали мы замѣчаніе, по которому необходимо отличать безопасность государственную, обезпечиваемую войсками, флотомъ, дипломатіею, отъ безопасности частной, или частныхъ лицъ, которая можетъ быть достигаема усиліями самихъ этихъ лицъ, равно какъ отъ безопасности общественной, напр. въ деревняхъ и селахъ, въ слободахъ и городахъ, которая можетъ быть обезпечена средствами общинъ. Итакъ же спросили, какую безопасность считаетъ авторъ въ своемъ сочиненіи, предметомъ дѣятельности полиціи?—Далѣе мы останавливали вниманіе автора на его раздѣленіи безопасности, на такую, которая нарушается злою волею человѣка, и на такую, которая нарушается не прямо этою волею, и тутъ же говорили, что — дѣло предупрежденія и пресѣченія опасностей, грозящихъ отъ дурной воли, проще выражается предупрежденіемъ и пресѣченіемъ преступленій, а дѣла предупрежденія и пресѣченія его опасностей, грозящихъ не прямо отъ злой воли человѣка, короче называется предупрежденіемъ и пресѣченіемъ зла, происходящаго отъ дѣйствія внѣшней природы, или, какъ авторъ выражается во «Введеніи» отъ «силъ природы».

Послѣ этого, мы старались уяснить отношеніе вопроса о предупрежденіи преступленій къ полиціи, и замѣчали, что тутъ въ основѣ всего лежитъ уголовное право, уголовный законъ и судъ, которые одни опредѣляютъ свойство дѣйствія преступнаго. Слѣдовательно, если тутъ дѣйствуетъ полиція, то, конечно, во имя

уголовнаго закона и суда, по требованію уголовнаго закона и суда, какъ и сравнительный органъ уголовнаго права. Такова дѣятельность сыщиковъ, и вообще полиціи наблюдающей, надзирающей, останавливающей, предающей суду,—полиціи судебной, judiciaire, а вовсе не той, о которой взялся писать авторъ съ цѣлью показать процессъ и развитіе нашихъ человѣческихъ способностей. Далѣе мы указали на неразумность того воззрѣнія, по которому размноженіе народа признается, по автору, явленіемъ, грозящимъ для народа опасностями, и спрашивали, гдѣ находитъ авторъ правительство, государство, или народъ, которые бы противодѣйствовали заселенію страны, напр. воспрещеніемъ рожденія, или узаконеніемъ избіенія согражданъ? Потомъ говорили, что такъ называемая борьба съ природою, или съ ея силами и законами, совершенно не мыслимая, не разумная задача для полиціи, состоитъ не столько въ борьбѣ съ природою, сколько въ особомъ построеніи силъ общества, направляемыхъ для сохраненія нашихъ имуществъ, нашего здоровья, или нашей жизни отъ пожаровъ, наводненій, болѣзней, неурожаевъ и т. д., въ построеніи силъ начиная съ осторожности частныхъ хозяевъ и лицъ, переходя къ дѣятельности общинъ въ случаѣ тушенія пожаровъ, и заключая взаимнымъ народнымъ страхованіемъ. Что же тутъ полицейскаго?

Въ этой рецензіи перваго тома, какъ и слѣдовало, мы ограничились заявленіемъ сомнѣній, недоразумѣній, вопросовъ. Авторъ оставилъ наши вопросы безъ отвѣта, конечно, въ увѣренности, что второй томъ вполнѣ все наше недоумѣніе разрѣшитъ окончательно и вполнѣ. Имѣя предъ нами все сочиненіе, и познакомивъ читателей съ воззрѣніями, проводимыми авторомъ въ первомъ томѣ, мы можемъ приступить къ обстоятельной критикѣ почтеннаго труда г. профессора. Второй томъ его полиц. права весь состоитъ изъ изложенія *мѣръ, обезпечивающихъ* а) условія духовнаго благосостоянія, б) условія матеріальнаго благосостоянія, и в) условія того и другаго благосостоянія, т. е. какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго. Я повторяю буквально выраженія г. Андреевскаго, и не моя вина, если каждый, читающій эти строки, остановится предъ ними съ вопросомъ, зачѣмъ же толковать отдѣльно о мѣрахъ, обезпечивающихъ духовное, или матеріальное благосостояніе, когда есть мѣры, обезпечивающія и матеріальное и духовное благосостояніе совмѣстно? Такихъ неточностей и неправильностей въ конструкціи мысли

и рѣчи весьма много, и мы не будемъ на нихъ останавливаться, для сокращенія нашего труда. Равномѣрно мы не станемъ придирчиво относиться къ длинноте и неопредѣленности фразъ, подобныхъ приведеннымъ здѣсь и употребляемымъ у автора почти на каждой страницѣ, напр. мѣры, обезпечивающія условія духовнаго благосостоянія, условія нравственнаго развитія и т. д. и т. д. Мы должны ограничиться разборомъ существа дѣла, или дѣла, по существу.

Итакъ безопасность и благосостояніе, по автору, составляютъ предметъ его Полиц. Права. Чья же это безопасность, и чье благосостояніе вѣдаетъ полиція? Чью безопасность и чье благосостояніе вѣдаетъ полиція такъ, что это становится ея полицейскимъ правомъ? Разумѣется, безопасность и благосостояніе народа, населенія страны, потому что государственная безопасность, а за нею и государственное благосостояніе должно составлять вѣдомство и право государства. Это безспорно. Что дѣлать полиціи съ Хивою? Но, въ такомъ случаѣ, можно спросить, почему же безопасность народа и его благосостояніе не могутъ быть дѣломъ и правомъ населенія, а должны войти въ полицейское право? Поставимъ вопросъ, какъ онъ ставится на судѣ: кому принадлежитъ право устроять безопасность и благосостояніе населенія, полиціи ли, или самому населенію? И есть ли это право полицейское, или общественное, земское? Основанія для рѣшенія такого вопроса извѣстны: нужно доказать а) потребность претендующаго, б) его инціативу, или пріобрѣтеніе, и в) совершеніе, или владѣніе и пользованіе дѣломъ. Если мы говоримъ о безопасности и благосостояніи населенія, то, конечно, убѣждены, что этой безопасности и этого благосостоянія требуетъ населеніе, котораго благосостояніе немыслимо среди возможныхъ опасностей, и котораго безопасность дорога ему именно пропорціонально его благосостоянію. Ничего неимѣющій ничѣмъ не дорожитъ, да, если бы онъ и дорожилъ, ему нечѣмъ взяться за дѣло сохраненія, и тогда, конечно, онъ принужденъ обратиться къ посторонней помощи. Въ такомъ ли положеніи находится общество, намъ современное, для котораго написано Полицейское право г. Андреевскаго? Да и въ какомъ состояніи должно быть общество для того, чтобы обратиться за помощію къ постороннему дѣятелю? При полной неразвитости общества у него не будетъ постороннихъ дѣятелей. Полиція есть сама созданіе общества. Потребность въ безопасности и

въ благосостояніи непремѣнно чувствуется въ обществѣ и обществомъ, и уже затѣмъ могутъ быть, для обезпеченія, или охраненія, сама безопасность и само благосостояніе довѣрены и ввѣрены полиціи этого общества. Отсюда ясно, что иниціативы для дѣла должно ожидать такъ же отъ общества, чему исторія служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ на каждой своей страницѣ. Кто въ Римѣ установлялъ эдиловъ, квесторовъ, въ смыслѣ инквизиторовъ, префектовъ vigilum &. &? Кто у насъ ввелъ учрежденіе знанковъ, которыхъ каждый новоприбывшій въ городъ долженъ былъ называть, или объѣздчикомъ и стражу, по ночамъ? Кто теперь смотритъ по деревнямъ и селамъ за тѣмъ, что бы потравы не было въ поляхъ, пожаровъ въ лѣсахъ, разбою среди села? Не говорю о совершеніи дѣла безопасности, или благосостоянія, которое сподручно только тому, кто боится опасности, и кто дорожитъ своимъ благосостояніемъ. Полиція можетъ явиться тутъ только по зову, или порученію, а иначе наше благосостояніе не будетъ нашимъ, и вовсе не будетъ благосостояніемъ. Довольствуюсь на этомъ мѣстѣ общими замѣчаніями, которыя должны поколебать увѣренность въ правильности самаго названія—Полиц. право.

Углубимся въ нѣкоторыя подробности разбираемаго сочиненія, начиная съ основныхъ его понятій и положеній. Полиція безопасности и благосостоянія, по автору, составляетъ предметъ Полиц. права. Что такое безопаснесть, въ смыслѣ г. профессора, мы уже показали; остается разсмотрѣть, какъ онъ относится къ благосостоянію, во второмъ томѣ своего сочиненія. Не опредѣляетъ онъ этого понятія, и, въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ, что такое благосостояніе, или благое состояніе и положеніе, или иначе счастіе. Но какъ же это наше счастіе попало въ полицію? Мы уже упомянули, что авторъ повсюду говоритъ о мѣрахъ, обезпечивающихъ условія благосостоянія то духовнаго, то матеріальнаго, то обоихъ вмѣстѣ. Сколько тутъ неясностей! Мѣры, условія, обезпеченіе! И прежде всего, какое это право состоитъ въ мѣрахъ, въ ихъ принятіи, или непринятіи? По нашему, мѣры должны быть основаны на правѣ, и безъ права, или по мимо права, мѣры представляются чѣмъ то безмѣрнымъ, неопредѣленнымъ, случайнымъ, произвольнымъ. Говоримъ ли мы о мѣрахъ гражданскаго взысканія, или о мѣрахъ къ представленію обвиняемаго въ судъ, или о мѣрахъ наказанія, или о мѣрахъ къ исправленію того — другаго, повсюду предполагаемъ законъ и

приговоръ. Дѣятельность полиціи, состоящая изъ однѣхъ мѣръ, не мотивированныхъ закономъ и судомъ, никогда и нигдѣ не можетъ носить названія права, хотя бы полицейскаго. Извѣстны мѣры полиціи: наблюдать, надзирать, останавливать, ловить, предавать суду, или чинить наказаніе; гдѣ же тутъ мѣры, обезпечивающія собою условія благосостоянія? Покрайней мѣрѣ, авторъ Полиц. Права не излагаетъ такого ученія, въ своемъ курсѣ.

Равномѣрно, не излагаетъ онъ никакой теоріи условій ни въ ученіи о безопасности, ни въ статьѣ о благосостояніи, и мы не знаемъ, какія условія имѣлъ авторъ въ виду, суспенсивныя, или резолютивныя, произвольныя, или законамъ установленныя, возможныя, или необходимыя. Къ довершенію затрудненія, авторъ называетъ самую безопасность и самое благосостояніе только условіями, говоря, что «для жизни человѣка, для развитія его способностей и проч., необходимы извѣстныя условія, между которыми только важнѣйшее мѣсто занимаютъ безопасность и благосостояніе». Такимъ образомъ ученіе автора объ условіяхъ безопасности и благосостоянія, по ясно выраженной имъ мысли есть только ученіе объ условіяхъ условій, или объ условіяхъ для условій жизни, развитія и т. д. Ученіе весьма мудреное, особенно потому что оно должно служить частію руководствомъ для полиціи даже исполнительной.

Но и это не все, или не единственное затрудненіе Авторъ требуетъ обезпеченій для этихъ весьма неопредѣленныхъ условій. Полицейскія его мѣры должны обезпечить условія безопасности и благосостоянія. Какъ же обезпечить ихъ? Залогомъ, поручительствомъ? Кто и отъ кого долженъ требовать обезпеченій, полиція ли отъ гражданъ, или граждане отъ полиціи? И кто будетъ судьею, въ случаѣ спора о томъ, обезпечено ли извѣстное условіе, и достаточно ли оно обезпечено.

Всѣ эти частныя неточности и неясности вытекаютъ, кажется, изъ основной неточности, допущенной авторомъ въ самомъ понятіи «о полицейскомъ правѣ; какъ наукѣ положительной, имѣющей цѣлію изучить положительное полицейское законодательство, разъясняемое началами науки полиціи, которая съ своей стороны, не можетъ обойдтись безъ содѣйствія политической экономіи, соціологіи и политики». Мы замѣтили еще въ нашей первой рецензіи, что этотъ тяжелый пріемъ изученія ведетъ только къ изученію путей къ цѣли, а не къ ея достиженію, если только ведетъ къ чему нибудь. Для того напр., что бы узнать

положительное русское полицейское законодательство авторъ требуетъ изученія положительной науки — полицейскаго права, которое, съ своей стороны предполагаетъ изученіе науки полиціи, или полицейской науки, въ свой чередъ требующей знанія наукъ—политической экономіи, соціологіи, политики, изъ которыхъ одна весьма неопредѣленна, какъ напр. политика, другая еще не устроена, какъ соціологія, а третья сама ищетъ основъ для себя въ статистикѣ, въ исторіи, частію въ правѣ и т. д. и т. д.

Признавши еще въ нашей рецензіи, что трудъ автора вполнѣ обнимаетъ собою предметъ, мы не станемъ излагать общаго содержанія втораго тома, но спросимъ, что сдѣлалъ авторъ съ предметомъ, который унаслѣдованъ имъ отъ Деламара, Берга, Моля? При этомъ мы не отказывались засвидѣтельствовать, что авторъ разсматриваетъ свой предметъ подъ разными углами зрѣнія, или по разнымъ методамъ, по такъ называемымъ историческому, сравнительному, догматическому методамъ. Но только по такъ называемымъ. Изложенія полицейскихъ мѣръ, принимавшихся по тому, или другому вопросу, не могло дать автору ни матеріала для исторіи, ни повода къ приложенію сравнительнаго метода, ни основанія для полнаго догматическаго изложенія вопроса. Сообщеніе свѣдѣній о томъ, что въ такомъ то вѣкѣ были въ ходу такія то мѣры, а въ послѣдующее время—другія, не имѣетъ ничего общаго съ исторіею, равно какъ простой разсказъ о мѣрахъ полиціи въ Англіи, Франціи, Пруссіи еще не приближается къ сравнительному методу науки, такъ же точно, какъ изложеніе содержанія дѣйствующихъ въ странѣ распоряженій и мѣръ не составляетъ само по себѣ изложенія догматическаго. Безъ исторіи страны и народа, историческія свѣдѣнія о мѣрахъ составятъ только балластъ въ сочиненіи, безъ указанія на духъ и свойство народовъ, разсказъ объ ихъ различныхъ мѣрахъ. Напомнятъ только всемирную выставку; а простое перечисленіе дѣйствующихъ мѣръ въ странѣ никогда не дастъ того образа точнаго и яснаго, которымъ долженъ обладать каждый институтъ положительнаго права, изложенный догматически какъ владѣніе, наслѣдованіе, семья.

Для доказательствъ всего сказаннаго объ ученыхъ пріемахъ г. профессора, заимствуемъ изъ его втораго тома нѣсколько различныхъ ученій, слѣдуя порядку его изложенія, и по возможности, его же словами. Начинаемъ съ его полиц. мѣръ,

обезпечивающихъ условіе нравственнаго развитія, стр. 9 и слѣд. «Здравая, надлежащая госуд. политика составляетъ сама по себѣ важное условіе для нравственнаго развитія страны. Р. ф. Моль замѣчаетъ, что положеніе Людовика XIV l'état c'est moi, не есть только логическая нелѣпость, но и грубая безнравственность. Тогда только могла начаться рѣчь о соглашеніи правительственныхъ мѣръ съ началами нравственности, когда личная свобода человѣка въ государствѣ начинаетъ дѣлаться фактомъ. Но до сихъ поръ система наказаній, судебныя формы, полномочія исполнительной полиціи, способы взысканія податей,— все это допускаетъ улучшенія только постепенныя: «нравственная свобода—понятіе историческое.» Не должно ли изъ этихъ словъ автора вывести странное заключеніе, что полиція установляетъ здравую политику въ государствѣ,—что ея мѣрамъ обязаны народы разнообразными реформами въ судѣ, въ смягченіи наказаній, въ уравненіи повинностей, и что вообще она содѣйствуетъ развитію той личной и нравственной свободы, которую авторъ называетъ и фактомъ и понятіемъ, и притомъ историческимъ?

Далѣе, по автору, «громаднѣйшее вліяніе на нравственное развитіе человѣка имѣетъ воспитаніе. Въ большинствѣ случаевъ воспитаніе происходитъ въ семьѣ, а потому общество и правительство прямо не касаются этого дѣла. Только въ случаяхъ, когда судомъ будетъ доказано, что извѣстная семья разрушаетъ нравственность своихъ малолѣтнихъ сочленовъ, правительство вторгается въ дѣло.» Не слѣдуетъ ли изъ этихъ положеній, что авторъ уступаетъ дѣло воспитанія семьѣ только, по требованію большинства случаевъ, и что у него въ рукахъ статистическія данныя, для опредѣленія случаевъ, гдѣ семья хлопочетъ о воспитаніи, и гдѣ она отказывается отъ этого дѣла? Равномѣрно не даетъ ли онъ повода думать, что и тамъ, гдѣ ни общество, ни правительство прямо не вступаются въ дѣло семейнаго воспитанія, полиція прямо сюда вторгается? Наконецъ, не въ правѣ ли мы, на основаніи положительнаго увѣренія автора, что правительство вступается въ дѣло семейнаго воспитанія только въ случаѣ доказанно-разрушительнаго вліянія семьи на воспитаніе, — придти къ совершенному отрицанію правительственнаго участія въ дѣлѣ? Ну, какъ же быть тамъ, гдѣ сама полиція, допущенная къ прямому вліянію будетъ вредно дѣйствовать на воспитаніе? А вотъ и поводы къ послѣднему вопросу.

«Многіе соблазны—могутъ быть удалены надлежащею дѣятельностію общества и правительства. Такіе соблазны являются 1) отъ проституткъ, 2) отъ безнравственныхъ сходбищъ, 3) отъ безнравственныхъ представленій, 4) отъ пьянства, 5) отъ игорныхъ домовъ, 6) отъ дурнаго обращенія съ прислугою, и 7) отъ жестокаго обращенія съ животными. Борьба съ каждымъ изъ этихъ соблазновъ не по силамъ одному правительству.» Замѣтимъ прежде всего, что въ послѣдней фразѣ автора много неясности: если не по силамъ борьба съ каждымъ соблазномъ отдѣльно и не по силамъ одному правительству, то слѣдуетъ ли думать, что эта борьба будетъ по силамъ, когда ее предпримутъ противъ всѣхъ соблазновъ разомъ, и не одно правительство, а напр. два, три? Далѣе, авторъ насчиталъ семь соблазновъ, ничего не говоря о томъ, всѣ ли тутъ соблазны перечислены, и нѣтъ ли тутъ чего лишняго. Нѣтъ же для этихъ соблазновъ такой догмы, какъ для семи смертныхъ грѣховъ? Оставляя въ сторонѣ соблазны, могущіе имѣть мѣсто при дворѣ, въ театрѣ, въ войнѣ и въ службѣ, на площади и на рынкѣ, нельзя же забывать про соблазны, которые встрѣчаются даже въ церкви, въ школѣ, въ семьѣ, въ нашемъ собственномъ тѣлѣ, въ нашихъ чувствахъ, въ нашемъ воображеніи. И что̀ можно вывести изъ положенія, что эти соблазны могутъ быть удалены обществомъ ли, или правительствомъ? Въ правѣ, хотя бы полицейскомъ, должно говорить не о томъ, что можно. а о томъ, что законами дозволено, или что ими предписывается. Перейдемъ къ подробностямъ.

«Удаленіе соблазновъ отъ проституткъ» т.-е. не отъ проституткъ, а причиняемыхъ проститутками, требуетъ мѣръ для двухъ цѣлей: вопервыхъ, чтобы количество проституткъ не было искусственно увеличиваемо, и вовторыхъ, чтобы проститутки не производили соблазна открыто.» «Чтобы принять мѣры противъ числа проституткъ требуется анализъ отношенія, въ которомъ проституція находится къ современному обществу. Проституція все увеличивается по городамъ.» «Для того, чтобы проститутки не производили соблазновъ открыто, законодательства античныя, средневѣковыя, современныя западныя и наше отечественное принимали разныя мѣры, но безуспѣшно, или довѣряются дѣятельности своихъ органовъ исполнительной полиціи, но напрасно.» Засимъ слѣдуетъ историческое, сравнительное и догматическое изложеніе разныхъ мѣръ, въ этомъ направленіи.

Итакъ авторъ явно отказывается отъ разсужденія о воздѣйствіи на число проститутокъ, и противодѣйствія даже искусственному ихъ увеличенію, ограничивая свой вопросъ изложеніемъ безуспѣшныхъ и безнадежныхъ мѣръ противъ соблазновъ отъ проститутокъ,—безъуспѣшныхъ и безнадежныхъ, потому что допустивши причину, невозможно отдѣлаться отъ ея слѣдствій, какъ это доказано у автора всѣми его разнообразными историческими и сравнительными данными. Кстати отмѣтимъ тутъ особенность воззрѣнія автора на наши древніе законы,—особенность, въ томъ состоящую, что онъ, на стр. 20, приписываетъ примѣру запада распоряженіе русскаго древняго закона XVII в. о томъ, чтобы нигдѣ разврата (блядни) не было; хотя, по автору же въ Россіи еще въ XVII в. господствовало начало: разврату не быть, тогда какъ на западѣ, и въ мірѣ античномъ и въ сред. вѣка съ XIII в. повсюду дѣйствовало правило: быть, но съ устраненіемъ открытаго соблазна. Цинизмъ въ языкѣ нашего закона выражаетъ, конечно, чувство отвращенія законодателя, который уже поэтому не могъ заимствовать съ запада ничего подобнаго и автору предстояло здѣсь изслѣдованіе того, кто когда и какими мѣрами измѣнилъ у насъ древнее начало: не быть разврату въ положительное: быть, дозволить, учредить, и тѣмъ вовлекъ правительство въ неодолимыя затрудненія, несмотря на всѣ примѣры Англіи, Франціи, Пруссіи? Западныя государства, какъ Россія съ начала XVIII ст. издавна поставлены въ этомъ отношеніи въ положеніе безвыходное, такъ что каждая мѣра противъ соблазна отъ проститутокъ непремѣнно сама ведетъ къ соблазну, напр. требованіе, чтобы въ домахъ терпимости окна постоянно были закрыты занавѣсками, или сторами. Вѣдь это,—тоже ясно гласящая выставка.

Кажется впрочемъ, что духъ нашихъ законовъ до сихъ поръ возмущается самимъ учрежденіемъ, потому что это учрежденіе помѣщено у насъ въ т. XIV Свода, или среди мѣръ предупрежденія и пресѣченія не только соблазновъ, но преступленій. Придерживаясь воззрѣній Свода, авторъ стоялъ бы на твердой почвѣ,—могъ бы критически отнестись къ законамъ запада,—объяснить мѣры, допущенныя въ Петербургѣ, Москвѣ, исключительностію положенія этихъ точекъ населенія среди Россіи, и потомъ даже разширить свой вопросъ. Говоря о противодѣйствіи соблазнамъ, онъ нашелъ бы въ Сводѣ постановленія о роскоши, мотовствѣ, расточительности, которыя несомнѣнно

входятъ въ его ученіе. Тогда, вычисляя различные соблазны, онъ могъ бы въ защиту и въ оправданіе своихъ цифръ и чиселъ сослаться на положительный законъ, хотя все еще оставался бы неразрѣшеннымъ вопросъ: почему его полиц. право, въ дѣлѣ нравственнаго развитія, ограничивается удаленіемъ соблазновъ, тогда какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ развитія—религіознаго, эстетическаго, умственнаго, оно дѣйствуетъ, по автору, положительнымъ образомъ.

Такъ, переходя къ «мѣрамъ, содѣйствующимъ религіозному образованію народа», начиная съ 71 стр., авторъ полагаетъ, что европейскія государства «допускаютъ у себя церкви, не противныя госуд. началамъ», и «стремятся къ достиженію слѣд. цѣлей»: «чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ истины религіи были преподаваемы согласно уставамъ церкви», и «чтобы къ отправляемому богослуженію было сохраняемо должное уваженіе, а начала религіи могли получить распространеніе». Къ достиженію этихъ цѣлей, ведутъ по автору, мѣры слѣд. рода: 1) содѣйствіе безпрепятственному отправленію богослуженія и распространенію религіи; 2) содѣйствіе построенію храмовъ, съ обезпеченіемъ іерархіи; и 3) заботы объ училищахъ для приготовленія служителей алтаря». Это начала автора, за которыми слѣдуютъ положительныя постановленія разныхъ государствъ, впрочемъ, въ этомъ мѣстѣ, только вкратцѣ изложенныя, сравнительно съ постановленіями русскаго закона.

Выражая свои начала, авторъ не даетъ себѣ труда не только доказывать ихъ, но даже уяснять смыслъ выраженій. Содѣйствіе религіозному образованію народа значитъ ли, какъ должно быть, содѣйствіе религіозности народа, — его набожности, благочестію, благоговѣнію къ Богу? Если такъ, то здѣсь государство дѣйствуетъ за одно съ церковію, и вычисленныхъ у автора мѣръ для развитія религіозности слишкомъ мало, или лучше, онѣ лишнія. Развивая набожность, вы достигнете всѣхъ указанныхъ цѣлей, безъ нужды въ особыхъ государственныхъ мѣрахъ; а безъ набожности, эти мѣры не принесутъ никакой пользы. Зачѣмъ храмы, іерархія, духовныя училища, если никто не ходитъ въ церковь, по отсутствію набожности и вѣры. Но, съ другой стороны, возможна ли религіозность и набожность въ народѣ, если государство этого народа само, какъ бы, не принадлежитъ къ исповѣданію народа, и по словамъ автора, только допускаетъ ту другую церковь, не противную государ-

ственнымъ законамъ? Если выраженіе Людовика XIV l'état c'est moi можно признать за явленіе безнравственности, то положеніе государства—la religion c'est l'état должно назвать нечестіемъ. Нѣтъ, вѣра народа, въ тоже время, есть вѣра государства, потому что государство немыслимо безъ народа, что̀ вытекаетъ, по даннымъ самаго автора, изъ законовъ Англіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Россіи, особенно Россіи, которой законы, по XIV т. Свода, авторъ такъ тщательно и подробно излагаетъ. Положительные законы говорятъ противъ началъ, высказанныхъ авторомъ; потому что выраженія западныхъ законодательствъ о «признаніи», «допущеніи» и т. п. должно объяснять изъ исторіи той великой войны за вѣру, которою Европа начала свою новую исторію. Вообще же и тамъ, каждый народъ, какъ народъ и какъ государство, имѣетъ свою народную церковь и свою народную вѣру, конечно, въ большей части случаевъ, съ полнымъ уваженіемъ и съ полною терпимостію къ другимъ церквамъ и къ другимъ исповѣданіямъ, которыхъ ненарушимость и свобода такъ же обезпечиваются уголовными кодексами, какъ у насъ XIV томомъ Свода. Трудность представляется для примѣненія того правила и начала автора, по которому государство, признающее и допускающее разныя исповѣданія, въ тоже время, должно содѣйствовать распространенію истинъ господствующей вѣры. Но на этомъ трудномъ вопросѣ авторъ благоразумно не останавливается, и переходитъ къ «мѣрамъ, содѣйствующимъ эстетическому развитію народа», гдѣ вычисляются: «содѣйствіе распространенію свѣдѣній въ художествахъ,—въ музыкѣ, и содѣйствіе развитію театра».

Для развитія эстетическаго образованія народа, по нашему автору; 1) необходимо преподаваніе рисованія, какъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ страны, такъ и въ ремесленныхъ школахъ, и учрежденіе школы, для образованія художниковъ; 2) необходимо вводить музыку въ преподаваніе и учреждать консерваторіи, и 3) необходимы театры. Мы не знаемъ, въ какой степени достаточны эти мѣры для развитія эстетическаго образованія народа, въ какой степени свѣдѣнія въ рисованіи помогутъ развитію архитектуры, или гравированію, а изученіе музыки равносильно съ развитіемъ пѣнія, или драматическаго образованія. Мы остановимся на нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ автора, высказанныхъ имъ на 100 стр. «До сихъ поръ, говоритъ онъ, въ кругъ общаго образованія изученіе искусствъ введено

крайне недостаточно. Напрасно было бы мечтать о возможности доставить человѣку классическое образованіе посредствомъ преподаванія древнихъ языковъ безъ доставленія ему искусства. Отлично изучившій греческій языкъ совершенно не пойметъ дравне-греческаго міра безъ пониманія музыки, ваянія, живописи. Для всего этого совершенно необходима дѣятельность полицейская» и т. д. Не имѣя даже понятія о греческомъ языкѣ, всякій читающій эти строки автора, можетъ возразить ему, что если Греки такъ много сдѣлали для искусства, то конечно, безъ полиц. дѣятельности; отъ чего же становится она совершено необходимою для нашего образованія? Съ другой стороны, извѣстныя классическія гимназіи едвали имѣютъ назначеніемъ сообщить современному человѣку классическое образованіе въ смыслѣ, который придается ему авторомъ. Кажется, не для того въ Россіи заводятся классическія гимназіи, чтобы изъ русскаго человѣка XIX в. по Р. Х. образовать классическаго Грека временъ Ѳукидида и Перикла. Мы будемъ изучать и Грецію и Римъ, какъ изучаемъ Англію и Францію для того, чтобы, такъ сказать, ихъ силами увеличить наши средства собственнаго развитія.

Но вотъ мы дошли до главы, говорящей «о мѣрахъ, содѣйствующихъ умственному образованію народа», стр. 125—363,— до четвертой и послѣдней главы перваго раздѣла книги, посвященнаго изложенію мѣръ, обезпечивающихъ условія духовнаго благосостоянія. Такъ уже по наружному виду замѣтно въ книгѣ г. Андреевскаго отсутствіе соразмѣрности частей; въ трехъ первыхъ главахъ, помѣщенныхъ на ста страницахъ, изложены всѣ его мѣры на пользу народной нравственности, народнаго вкуса и народной вѣры, кажется самыхъ главныхъ интересовъ народа, тогда какъ однѣ мѣры умственнаго образованія потребовали отъ автора слишкомъ двѣсти страницъ. Прибавимъ, что эта несоразмѣрность частей проходитъ по всему составу втораго тома сочиненія, которое распредѣляется такъ же на двѣ—на три неравныя доли—на образованіе духовное, кончающееся на 360 стр.,—на матеріальное, занимающее 361—743, почти четыреста страницъ, и на ученіе о дорогахъ, почтахъ, телеграфахъ, помѣщенныхъ на 744—806, т.-е. на шестидесяти сраницахъ. Въ системѣ, какъ въ архитектурѣ, или въ музыкѣ, несоразмѣрность частей произведенія служитъ поводомъ къ предположенію о невѣрности мысли и плана.

Глава начинается общимъ положеніемъ, по которому «для достиженія умственнаго образованія требуются многія условія, превосходящія силы отдѣльныхъ лицъ, и вызывающія полицейскую дѣятельность. Только при помощи другихъ, человѣкъ можетъ пріобрѣтать скорое и вѣрное развитіе, поэтому нужны знающіе, представители науки,—все это достигается въ государствѣ, при помощи установленій ученыхъ и учебныхъ. Отсюда выводятся, 1) мѣры содѣйствующія развитію ученыхъ установленій, каковы: академіи наукъ, ученыя общества, съѣзды ученыхъ, библіотеки и музеи, и 2) мѣры, содѣйствующія развитію учебныхъ установленій, каковы университеты, гимназіи, народныя школы, спеціальныя учрежденія, женскія заведенія, частныя училища». Послѣ этого слѣдуетъ изложеніе историческихъ извѣстій объ происхожденіи разныхъ такихъ учрежденій, равно какъ разсказъ о содержаніи разныхъ уставовъ и распоряженій, дѣйствующихъ относительно каждаго изъ названныхъ учрежденій. Въ этомъ состоитъ сущность главы о мѣрахъ къ умственному образованію народа,—сущность, которую можно бы коротенько формулировать въ такую мысль: есть въ странѣ названныя учрежденія, умственное развитіе народа обезпечено.

Можно ли спорить, или лучше, нужно ли доказывать такую истину? Гдѣ есть академіи наукъ и университеты, гимназіи и другія училища, для общаго и спеціальнаго образованія, для мужескаго и женскаго пола, тамъ будетъ наука и просвѣщеніе, и ученые, и профессора, и учители, и ученики. Этого мало; по присутствію, въ странѣ ученыхъ, литературы, академій, университетовъ, училищъ, мы судимъ о состояніи образованія страны и объ ея просвѣщеніи. Стало быть, мысль въ этомъ выраженіи служащая основой для четвертой главы I раздѣла въ разбираемомъ сочиненіи, конечно, всѣми давнымъ давно принята и всѣмъ извѣстна. Другое дѣло, разсмотрѣть отношеніе всѣхъ этихъ учрежденій къ образованію и просвѣщенію народа, и сказать, что̀ тутъ служитъ причиной, и что̀ слѣдствіемъ,—учрежденія ли родятъ просвѣщеніе, или образованіе ведетъ къ созданію учрежденій. Отъ рѣшенія такого вопроса зависитъ многое. Нашъ авторъ видимо держится того воззрѣнія, что если установить тамъ, или здѣсь, въ то или другое время, академію наукъ, или университетъ, то явится въ странѣ и наука и знаніе. Такой смыслъ можно вывести изъ его словъ: «не многіе въ состояніи образовать себя сами; необходимо, чтобъ были знающіе;

а это достигается въ государствѣ. полиц. дѣятельностію» и т. п. Выходитъ, что каждый народъ, въ каждый моментъ своей исторіи можетъ содѣлаться образованнымъ и просвѣщеннымъ, какъ скоро его полиція откроетъ въ его средѣ академію наукъ, или университетъ. Тутъ полиція нашего автора дѣйствуетъ, какъ иные родители,—наняли гувернеровъ, или гувернантокъ къ дѣтямъ, и уже чрезъ то самое думаютъ обезпечить образованіе своихъ дѣтей, безъ вниманія къ ихъ приложенію, къ дарованію, къ способностямъ. Нѣтъ, дѣло происходитъ иначе, судя по собраннымъ у г. Андреевскаго даннымъ. Почему въ Аѳинахъ была академія, которой не знали въ Римѣ? Отчего первоначально церковь заводитъ университеты, впослѣдствіи же унаслѣдованные въ Германіи протестантскими государствами? Отъ чего заведеніе академій оказывается болѣе легкимъ дѣломъ, чѣмъ учрежденіе гимназій, и особенно народныхъ училищъ? Не служитъ ли все это яснымъ указаніемъ на зависимость самихъ учрежденій отъ состоянія образованности въ странѣ? Такъ что не учрежденія созидаютъ народное образованіе, а на оборотъ просвѣщеніе страны содѣйствуетъ разнымъ образовательнымъ учрежденіямъ, даже въ ихъ количествѣ, не говоря уже о качествѣ, или о содержаніи того, что̀ преподается въ заведеніяхъ, и чему и какъ тамъ и учатъ и обращаются къ учащимся. А если допустить, что учрежденія не причина, а слѣдствіе образованія, то вопросъ о полицейской дѣятельности отодвинется на весьма дальній, на задній планъ. Отъ народа должно ожидать потребности въ образованіи; отъ него и силъ образовательныхъ и средствъ для учрежденій. И онъ одинъ дѣйствительно даетъ и образованныхъ преподавателей и ученыхъ литераторовъ, и расположенныхъ къ наученію слушателей, воспитываемыхъ къ тому и семьею, и церковію, и образомъ жизни въ окружающей ихъ средѣ, и государственнымъ строемъ ихъ отечества, или родной страны. Образованная семья, церковь съ ея требованіями, окружающая среда съ ея примѣрами и т. д., несомнѣнно возбудятъ потребность, любознательность, сознаніе цѣли для ученія и образованія въ цѣломъ составѣ молодаго поколѣнія. Онѣ же употребятъ сообразно всему этому силы и средства для доставленія дѣтямъ и молодымъ людямъ необходимаго образованія, учрежденіемъ и поддержаніемъ учебныхъ заведеній, равно какъ обезпеченіемъ для этихъ заведеній наставниковъ, наблюдателей и даже программъ преподаванія, согласно съ требованіями жизни

и общества. Допустимъ, что въ извѣстный моментъ исторіи народовъ, Карлъ В., или Альфредъ, Петръ В., или Екатерина II положатъ своими государственными распоряженіями и мѣрами основу для учебныхъ учрежденій страны; вѣчная имъ благодарность за содѣянное добро. Но не слѣдуетъ же изъ этого, что бы постоянно преемники ихъ престоловъ исключительно вели дѣло науки, или искусства на средства и для пользъ государства. Или иначе придется учрежденія ихъ признать весьма не удавшимися, не принесшими плода — просвѣщенія, а ихъ народы вѣчно осужденными на то, чтобы состоять въ опекѣ. Наука и искусство должны быть самостоятельны, свободны какъ въ своихъ положеніяхъ, или началахъ, такъ въ лицѣ своихъ представителей и даже въ бытіи и дѣятельности своихъ учрежденій, не зная надъ собой полиціи, и подчиняясь только уголовнымъ законамъ.

Свое воззрѣніе на значеніе учрежденій авторъ на стр. 126 доказываетъ тою связію, въ которой состоятъ учрежденія ученыя, напр. академіи наукъ, университеты, къ учебнымъ, каковы гимназіи, школы, и по которой прогрессъ однихъ условливается развитіемъ другихъ, такъ что процвѣтаніе университетовъ отражается на успѣхахъ гимназій и т. д. Это несомнѣнно; но это имѣетъ другой смыслъ, выражаемый взаимодѣйствіемъ науки и ученья, просвѣщенія и школьнаго образованія, или еще иначе, взаимодѣйствіемъ между учеными и учащими, съ ихъ учащимися. Гдѣ много ученыхъ литераторовъ, людей съ образованіемъ, тамъ будутъ процвѣтать академіи, университеты, гимназіи и школы. Стало быть, опять не приходится разсматривать учрежденія, какъ самостоятельную силу,— единственную въ народномъ просвѣщеніи, которая можетъ быть подчинена вліянію полиціи. Понятно, почему авторъ принужденъ въ этомъ мѣстѣ говорить такія неопредѣленныя положенія, каково напр. его правило, по которому «въ отношеніи къ ученымъ и учебнымъ учрежденіямъ въ извѣстныхъ случаяхъ принимаетъ надлежащія мѣры общество, а въ извѣстныхъ случаяхъ правительство.» Не говоритъ онъ здѣсь о своихъ частныхъ лицахъ, а прямо переходитъ къ обществу и къ правительству, разграничивая дѣятельность ихъ только извѣстными, т.-е. совершенно по автору неопредѣленными случаями. Книга его молчитъ объ этихъ случаяхъ, а въ этомъ вся сила задачи и вопроса. Дѣйствительно ли справедливо воззрѣніе автора, разсматривающаго просвѣщеніе и образованіе

народа, въ значеніи внѣшней, посторонней для этого народа дѣятельности полиціи, правительства, или просвѣщеніе и образованіе народа потому называется народнымъ, что совершается его усиліями, въ видѣ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, обществъ, семействъ, общинъ, земствъ, населенія, самаго народа? Когда жрецы и философы вѣдали все знаніе своей страны, это знаніе не было достояніемъ народа или народнымъ, равно какъ и въ то время, когда правительство учреждало академіи, или университеты, для образованія моряковъ, воиновъ, или чиновниковъ и вотъ почему только въ XIX в. стали думать о народныхъ школахъ и о просвѣщеніи народномъ, конечно, предоставляя просвѣщеніе собственнымъ его законамъ развитія. Говоря о воспитаніи, авторъ сказалъ, что правительство вторгается въ эту сферу семейной жизни только въ случаѣ доказаннаго предъ судомъ разрушительнаго вліянія семьи на ея членовъ. Такъ какъ понятіе воспитанія не исключаетъ той дѣятельности, которая называется ученіемъ, а напротивъ условливается ученіемъ и наученіемъ; то нельзя ли изъ словъ автора вывести такое заключеніе, что правительство вторгается и въ ученіе только во имя охраненія закона и законовъ, путемъ надзора и уголовнаго суда? Равно какъ не должно ли ограничить дѣятельность правительства указаннымъ надзоромъ и судомъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ предоставляется обществамъ, академіямъ, университетамъ, ученымъ съѣздамъ инціатива и самый процессъ развитія науки? И не окажется ли тогда яснымъ, что земства и общины призваны учреждать у себя гимназіи, школы училища, на томъ же необходимомъ и законномъ основаніи, на которомъ семья вѣдаетъ воспитаніе своихъ членовъ, церковь—ученіе въ своихъ духовныхъ училищахъ, государство—въ своихъ военныхъ, морскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, или какъ промышленные классы населенія учреждаютъ свои земледѣльческія училища и выставки, свои технологическіе институты и съѣзды фабрикантовъ, свои коммерческія академіи и школы?

Да послужитъ намъ вниманіе промышленныхъ классовъ населенія переходомъ къ разсмотрѣнію втораго раздѣла книги г. профессора, гдѣ говорится о «мѣрахъ, обезпечивающихъ условія матеріальнаго благосостоянія». Тѣмъ болѣе, что самъ авторъ на 364 стр. связываетъ свое ученіе о промышленности съ ученіемъ о духовномъ благосостояніи, называя послѣднее «условіемъ для достиженія матеріальнаго благосостоянія». Тѣмъ

болѣе наконецъ, что ученый пріемъ употребленный авторомъ при изложеніи мѣръ на пользу народнаго просвѣщенія выясняется всего скорѣе сопоставленіемъ его съ тѣмъ пріемомъ, который употребляетъ г. Андреевскій при изложеніи ученія о мѣрахъ, содѣйствующихъ матеріальному благосостоянію. Тутъ такъ же, какъ и вездѣ, встрѣчается общее положеніе, по которому только полицейская дѣятельность можетъ создать условія, обезпечивающія матеріальное благосостояніе, несмотря на господство политико-экономическаго начала, устраняющаго всякое вмѣшательство полиціи въ дѣло промышленности. Не даромъ цитуетъ здѣсь намъ авторъ мнѣніе Штейна, по которому, при желаніи нѣмецкихъ ученыхъ установить правила для правительственной дѣятельности въ области промышленности; попытки ихъ являются смѣшеніемъ понятій и ученій, или какъ выражается нашъ авторъ мозаикой, мало объясняющею дѣло. Вообразите же, что какая-нибудь наука, напр. педагогія, педагогика, соціологія и т. д. рѣшатся провозгласить начало свободы для просвѣщенія, какъ то сдѣлала политич. экономія для промышленности; не явятся ли тогда различныя попытки опредѣлить правила для политики и полицейской дѣятельности въ сферѣ народнаго просвѣщенія мозаикой, мало объясняющей дѣло, или смѣшеніемъ понятій и ученій? Думаю, что, если промышленность требуетъ свободы, то просвѣщеніе тѣмъ болѣе должно имѣть права на независимость.

Впрочемъ авторъ, кажется не думаетъ о связи, существующей между промышленною и просвѣтительною дѣятельностію страны. Напротивъ, онъ, какъ будто, противополагаетъ одну другой. Покрайней мѣрѣ, говоря о промышленности, онъ вноситъ новый элементъ и новый вопросъ: о препятствіяхъ къ развитію промышленности, о которомъ вопросѣ молчитъ, при изложеніи ученія о мѣрахъ, обезпечивающихъ духовное благосостояніе. Такимъ образомъ здѣсь своему ученію о мѣрахъ, обезпечивающихъ условія матеріальнаго благосостоянія, онъ предпосылаетъ изложеніе мѣръ, устраняющихъ препятствія къ развитію промышленности. И намъ нужно начать съ разсмотрѣнія того, что считается у автора препятствіемъ къ развитію, подобно тому, какъ мы выше толковали о мѣрахъ, условіяхъ и ихъ обезпеченіи по автору. Но здѣсь онъ становится яснѣе, по крайней мѣрѣ, допускаетъ для своихъ препятствій разныя названія, раздѣляетъ на виды, и тѣмъ даетъ читателю возможность составить понятіе

объ этихъ препятствіяхъ. Такъ онъ вездѣ отличаетъ препятствія юридическія отъ экономическихъ, относя къ юридическимъ—не свободу лицъ, рабство, крѣпостную зависимость, или законныя дозволенія для промышленныхъ занятій, равно какъ извѣстную форму поземельнаго права; а къ препятствіямъ экономическимъ – «опеку и надзоръ относительно самаго отправленія промысла», стр. 375,—или «вторженіе закона и администраціи въ способы мануфактурнаго производства», стр. 574. При такой ясной постановкѣ вопроса, мы спрашиваемъ, почему авторъ находитъ въ опекѣ, администраціи и т. п. препятствія только для развитія промышленности, или для матеріальнаго благосостоянія, и вовсе не видитъ въ нихъ препятствія для развитія науки, искусства, просвѣщенія, или духовнаго благосостоянія? Далѣе мы спрашиваемъ, какимъ образомъ освободитъ онъ промышленность отъ опеки, администраціи и т. п., допустивши безпредѣльное ихъ вліяніе на благосостояніе духовное, именуемое авторамъ –условіемъ для развитія матеріальнаго? Освобождая промышленность отъ прямаго вторженія закона ли, опеки, или администраціи, и оставляя ее подъ вліяніемъ такого духовнаго развитія, которое совершается прямымъ вторженіемъ закона, администраціи, опеки, достигаетъ ли своей цѣли ученіе объ устраненіи препятствій отъ промышленности? Потомъ мы спрашиваемъ, логично ли, вѣрно ли отдѣлены препятствія юридическія отъ экономическихъ, по приведеннымъ у автора примѣрамъ, гдѣ къ препятствіямъ экономическимъ отнесены на стр. 406 «вторженіе власти въ отправленіе промысловъ», а на стр. 574, «вторженія разныхъ правительствъ, въ томъ числѣ и русскаго, во времена Петра В., съ его мануфактуръ-коллегіею, въ дѣла фабрикъ? Какъ въ юридическихъ, такъ и въ экономическихъ препятствіяхъ автора главная идея—свобода, нарушаемая такъ, или иначе,—понятіе необходимо юридическое, не допускающее дѣленія, по мысли автора. Наконецъ мы спрашиваемъ, возможно ли начало свободы, или ученіе о свободѣ человѣка, хотя бы въ полиц. правѣ, пріурочить къ ученію о промышленности сельской, или городской, какъ то дѣлаетъ нашъ авторъ на стр. 476 и слѣд. И возможно ли разсматривать вопросъ о поземельномъ правѣ страны въ нѣсколькихъ §§, толкующихъ о земледѣліи? Вѣдь и поземельное право—явленіе свободы. Да, систематика автора до того странна, что онъ отнесъ ученіе о литературной и художественной собственности, съ

ссылками на Канта, Гегеля, Клостермана, и друг., къ своему ученію о выдачѣ привиллегій на мануф., технич. и механич. изобрѣтенія, или къ ученію о заводской промышленности.

Послѣ своихъ общихъ разсужденій о томъ, что отдѣльныя лица не могутъ создать его условій для развитія промышленности и т. д., авторъ переходитъ къ подробному изложенію, 1) мѣръ, устраняющихъ препятствія къ развитію, а затѣмъ 2) мѣръ полицейскихъ, содѣйствующихъ искомому развитію, какъ земледѣльческой, такъ мануфактурной и торговой промышленности, раздѣляя такимъ образомъ все свое ученіе на три главы. Въ первой главѣ говорится о земледѣльческой промышленности и прежде всего объ устраненіи отъ нея препятствій и сначала юридическихъ, а затѣмъ экономическихъ. Тутъ то помѣстилъ нашъ авторъ вопросъ о личной свободѣ, въ формѣ разсказа о процессѣ, которымъ совершалась въ различныхъ государствахъ эмансипація крестьянъ. «Начала говоритъ» на стр. 376, г. Андреевскій, «начала, на основаніи которыхъ разрѣшена крѣпостная зависимость въ разныхъ государствахъ, представляютъ различія, точно также, какъ различны были способы установленія крѣпостной зависимости», и у читателя возбуждается весьма важный и любопытный вопросъ о прекращеніи рабства соотвѣтственно способамъ его происхожденія. Но оказывается, что вопросъ только возбужденъ этими словами, а за его разрѣшеніемъ авторъ отсылаетъ читателей къ разнымъ нѣмецкимъ писателямъ, даже не давъ никакого понятія объ ихъ воззрѣніяхъ. «Для насъ, продолжаетъ авторъ, здѣсь важенъ моментъ уничтоженія крѣпостной зависимости», послѣ чего онъ переходитъ къ короткому изложенію «Положенія» 19 февр 1861 г. Моментъ уничтоженія есть событіе, фактъ и для излагающаго полиц. право нельзя ограничиться однимъ указаніемъ на фактъ, или событіе, какъ бы важно, громадно ни было это событіе. Тѣмъ менѣе можно юристу ограничиться здѣсь фактомъ, что само «Положеніе» заключаетъ въ себѣ установленіе самоуправленія въ средѣ крестьянъ, отразившихся на самоуправленіи городовъ и земствъ, а наконецъ на реформѣ суда и даже народнаго просвѣщенія, не говоря уже о промышленности. Слѣдов., принимая вопросъ автора даже въ узкой формѣ крестьянской эмансипаціи, нельзя не видѣть, что онъ вяжется съ судьбами всей страны, потому что касается широкаго права личной свободы.

Такъ же точно вскользь говоритъ авторъ о поземельномъ

правѣ, въ Россіи, стр. 390 и слѣд., гдѣ онъ излагаетъ свое воззрѣніе на общинное владѣніе, на отношеніе государства къ вопросу объ опредѣленіи размѣра для поземельныхъ участковъ, на отчужденіе государственной земли въ руки частныхъ людей, равно какъ на упрощеніе формъ, для перехода земли изъ рукъ въ руки. Такъ напр. послѣдній вопросъ разрѣшается слѣд. фразою: «если для совершенія купчей на участокъ руб. въ 15—20 нужно истратить на проѣздъ отъ нотаріуса къ нотаріусу еще руб. 30; то покупатель откажется отъ намѣренія купить. Подобныя формы являются поклоненіемъ излишнимъ формамъ» и т. д.

Къ препятствіямъ экономическимъ къ развитію сельскаго хозяйства отнесены авторомъ разнаго рода «вторженія власти», случавшіяся напр. во времена Петра В., «который и не стѣснялся дѣлать вторженія» и «дѣлалъ множество регламентацій». Но мы уже говорили, что регламентація правительства не можетъ быть названа препятствіемъ экономическимъ, а скорѣе полицейскимъ, которое готово выйдти изъ каждой мѣры содѣйствія хозяйству входящей въ составъ изложенія г. профессора, стр. 408. Такъ напр. почему не думать, что предоставляя полиціи хлопотать о «распространеніи свѣдѣній въ дѣлѣ сельскаго хозяйства», вы будете логически принуждены допустить указы въ родѣ указовъ Петра В. объ «увеличеніи количества посѣвовъ льна и пеньки (конопли?), или о замѣнѣ серпа косою, при уборкѣ хлѣба, подъ угрозою наказанія, потому что, по словамъ Петра В., «наши люди ничего добраго безъ принужденія не сдѣлаютъ».

Порядокъ, принятый авторомъ при изложеніи мѣръ, обезпечивающихъ условія земледѣльческой промышленности, повторяется въ остальныхъ двухъ главахъ, говорящихъ о промышленности фабричной и торговой. Прибавимъ, что самое содержаніе всѣхъ этихъ главъ носитъ однаковый характеръ, будучи почерпаемо преимущественно изъ извѣстныхъ статей и уставовъ извѣстныхъ томовъ Свода законовъ. Конечно, все это разнообразится примѣрами, которые авторъ заимствуетъ изъ другихъ странъ, и положеніями, которыя авторъ черпаетъ изъ сочиненій разныхъ писателей. Такъ что, думаю, наши читатели вполнѣ ознакомлены съ воззрѣніями г. профессора на мѣры, обезпечивающія условія матеріальнаго благосостоянія, и могутъ перейдти съ нами къ ученію о дорогахъ и почтахъ, или мѣрахъ, обезпечивающихъ по автору, условія какъ матер. такъ и духовн. бла-

госостоянія. Отдѣлъ весьма небольшой, занимал немного болѣе 50 стр., и весьма простой, по изложенію.

«Существенный признакъ путей сообщеній — ихъ общественный, государственный характеръ»; «почтовыя учрежденія—дѣлаются государственнымъ реальнымъ промысломъ съ XVIII в., и образуютъ въ XIX промыселъ государственный съ характеромъ полицейскимъ», стр. 748. Вотъ общія положенія, служащія основою, или канвой, по которой авторъ располагаетъ массу своихъ подробностей историческаго, статистическаго и догматическаго содержанія. Говоря о сообщеніяхъ, авторъ прежде всего раздѣляетъ ихъ на сухопутныя и водяныя, придерживаясь даже языка нашихъ указовъ XVIII в., когда никого изъ составителей разныхъ полунѣмецкихъ проэктовъ не поражало такое выраженіе, какъ водяныя сообщенія, вмѣсто чисто-русскаго слова: водный, по древней нашей номенклатурѣ, отличавшей путь горою отъ пути водою, или отъ пути воднаго. Послѣ этого, на той же стр., нашъ авторъ переходитъ къ условіямъ, которымъ должны удовлетворять дороги, говоря при этомъ, что дорога должна быть проѣзжею, удобною, безопасною, какъ со стороны устройства, такъ и со стороны нападенія злоумышленниковъ,—по возможности, дешевой, и открытою для государственнаго пользованія, напр. для передвиженія войскъ. «Легко видѣть, продолжаетъ авторъ на стр. 749, что безъ полицейской дѣятельности страны эти условія достигнуты быть не могутъ», и затѣмъ переходитъ къ указанію нѣкоторыхъ примѣровъ полиц. дѣятельности, и къ заявленію слѣд. общаго факта, будто съ XVI в. правительства стали заявлять свои регальныя права на дороги, и будто съ того времени начали развиваться полиц. положенія о дорогахъ.

Я говорю здѣсь: будто, принимая въ соображеніе слова автора, непосредственно слѣдующія за этимъ заявленіемъ, на стр. 750, а именно: въ Англіи дороги всегда считались принадлежностію общины, на которую ложилась забота объ ихъ устроеніи». Гдѣ же тутъ регалія, или полиц. дѣятельность? Относительно Россіи, авторъ, на стр. 756 замѣчаетъ, что лишь съ Петра В. обнаружилось стремленіе устроить пути сообщенія посредствомъ центральной администраціи. Отмѣтимъ тутъ же употребляемое авторомъ, но не находимое въ источникахъ названіе великой гостиницы, вмѣсто великаго гостинца для обозначенія у насъ въ древности большой дороги. Въ заключеніе намъ авторъ сокращенно передаетъ содержаніе разныхъ ука-

зовъ и уставовъ изданныхъ, или теперь дѣйствующихъ въ Россіи, относительно дорогъ и водныхъ путей. Совершенно также поступаетъ онъ съ ученіемъ о почтахъ и телеграфахъ, и тѣмъ заканчиваетъ свой обширный почтенный трудъ, на 815 стр.

Думаю, что тутъ же оканчивается работа рецензента, обязаннаго познакомить читателей съ содержаніемъ сочиненія и съ тѣми общими достоинствами, или недостатками, которые выказываются въ книгѣ, по мѣрѣ ея чтенія. Да, тутъ можемъ мы покончить свою работу рецензента, и перейдти къ задачѣ критики, состоящей въ томъ, чтобы открыть и выяснить источникъ тѣхъ, или другихъ недостатковъ сочиненія, и предложить путь и средства, избѣгая допущенныхъ авторомъ ошибокъ, дойдти до искомаго результата болѣе вѣрно и надежно. По мѣстамъ, въ нашей рецензіи, мы указывали на нѣкоторыя невѣрности, ошибки, недостатки разбираемаго сочиненія, и теперь предлежитъ первый вопросъ: почему авторъ допустилъ невѣрности, впалъ въ ошибки? Это произошло отъ сбивчивости и ложности воззрѣнія автора на предметъ его изученія и изложенія. Обратимся еще разъ къ началу его книги, къ I тому.

«Для жизни человѣка, для развитія его способностей и возможности достиженія его человѣческихъ цѣлей необходимы извѣстныя условія, между которыми главнѣйшее мѣсто занимаютъ безопасность и благосостояніе». Принимая слово: благосостояніе въ общепринятомъ значеніи счастія, благополучія и т. д., да сокращая фразу автора, мы должны такъ ее выразить: для жизни человѣка и для его развитія необходимо обезпеченное его счастіе, тогда какъ логически наоборотъ и жизнь и развитіе человѣка служатъ только средствами и условіями для его счастія. Человѣкъ созданъ и живетъ для счастія, котораго достиженіе требуетъ разныхъ условій, и главнымъ образомъ полнаго развитія его человѣческихъ способностей. Не для жизни или развитія способностей ищемъ счастія, а живемъ и развиваемъ свои силы для достиженія счастія. И кто же противъ этого станетъ возражать? Слѣд., авторъ допустилъ въ этомъ основномъ мѣстѣ своего сочиненія громадную ошибку, которая отразилась на всемъ его трудѣ, столько обширномъ и столько почтенномъ. Онъ не усомнился передать все наше счастіе въ руки полиціи, оставивъ намъ только жизнь, конечно, лишенную счастія. И не могъ онъ сдѣлать иначе, разсматривая счастіе только въ значеніи условія для жизни, а не въ привычномъ

смыслѣ ея цѣли, и задавшись вопросомъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ полиціи. Нельзя же довѣрить полиціи самую цѣль нашей жизни; довольно для нея хлопотъ объ условіяхъ этой жизни. Вотъ почему авторъ говоритъ далѣе: «для созданія такихъ условій, недостаточно отдѣльныхъ, единичныхъ силъ человѣка, необходима совокупная дѣятельность людей въ государствѣ, или совокупная дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, союзовъ, общества и правительства, называемая у автора полицейскою, въ обширномъ смыслѣ, въ отличіе отъ правительственной, или полицейской въ тѣсномъ смыслѣ». Въ этихъ словахъ заключается второй источникъ ошибокъ и заблужденій автора. Не могло не быть ошибочныхъ выводовъ изъ положеній столько произвольныхъ, столько неопредѣленныхъ, и сбивчивыхъ. Автору должно было тутъ остановиться на вопросѣ, съ какой стати къ дѣлу о нашей жизни и о нашемъ счастіи привязывать понятія полиціи, полицейской дѣятельности? Равномѣрно, должно было спросить у себя, что это за совмѣстная дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, союзовъ, общества, правительства? Возможна ли такая дѣятельность, и если возможна, въ какой формѣ должна она явиться, чтобы отдѣльныя лица не мѣшали союзамъ и обществу, а союзы и общество правительству, или наоборотъ? И почему и гдѣ совмѣстная такая дѣятельность должна уступать дѣятельности полицейской, въ тѣсномъ смыслѣ, совершаемой однимъ правительствомъ? Далѣе должно было бы уяснить, почему такая совмѣстная дѣятельность называется полицейскою,— что такое полиція, и преимущественно—что такое полицейское право? Данный авторомъ отвѣтъ на послѣдній вопросъ лишенъ всякаго положительнаго смысла: «полицейское право имѣетъ цѣлію изучить положительное полицейское законодательство», потому что никакое право ничего не изучаетъ, а само подлежитъ изученію. Во всякомъ случаѣ, такое выраженіе относится къ праву въ объективномъ значеніи и ничего не говоритъ о правѣ въ смыслѣ субъективномъ, служащемъ въ системѣ и въ изложеніи всякаго права исходною точкою. Безъ идеи о субъектѣ права немыслимо, невозможно построеніе какого-либо права, или юридическаго института. По субъектамъ права получаютъ названія—между-народнаго, или народнаго, государственнаго, церковнаго, частнаго, или гражданскаго. Субъекты же опредѣляютъ свойство своихъ объектовъ, а затѣмъ и природу своихъ правъ. Авторъ «полицейскаго права» обошелъ самый

основный вопросъ науки—ученіе о субъектѣ, и тѣмъ допустилъ третью ошибку,—ошибку противъ юридической конструкціи, безъ которой конструкціи уже просто невозможно научное изложеніе юридическаго предмета, что̀ и оказалось въ цѣломъ и въ частяхъ разбираемаго обширнаго и почтеннаго труда г. профессора.

Очевидно, что, для исправленія, или для избѣжанія подобной ошибки, мы должны разъяснить юридическую конструкцію т. наз. полицейскаго права, и тѣмъ содѣйствовать разумному о немъ понятію. Это—вторая задача нашей критики. Самъ авторъ «Полицейск. права» не могъ же обойдтись безъ упоминанія о субъектахъ своего «права,» говоря то, о факторахъ полиц. дѣятельности, о частныхъ лицахъ, союзахъ, обществѣ, правительствѣ. государствѣ, то о предметахъ дѣятельности, о безопасности и благосостояніи, разумѣется, какого либо субъекта, напр. лицъ, общества, населенія, народа. Но, какъ мы видѣли, авторъ говоритъ обо всемъ этомъ и смѣшанно и неопредѣленно, хотя часто повторяетъ свою фразу: отдѣльныя лица не могутъ, не въ состояніи сдѣлать то—другое, или: при недостаточностя силъ и средствъ, у союзовъ и обществъ, начинается дѣятельность правительства, государства. Для того, чтобы выйдти изъ этой нестрой неурядицы понятій, мы отдѣлимъ частныхъ людей, съ ихъ союзами отъ общества, съ его различными видами, на томъ простомъ основаніи, что уму нашему, въ быту человѣческомъ представляются люди или въ ихъ отдѣльности или въ особыхъ соединеніяхъ, именуемыхъ человѣческими обществами. Ничего третьяго не придумаемъ, а дѣйствительность, указанная нами, необходима по самой природѣ человѣка, отдѣльно почти не мыслимаго, или, по крайней мѣрѣ, невозможнаго внѣ общества. Не должно смущаться понятіемъ союзовъ, которое мы относимъ къ частнымъ лицамъ потому, что эти союзы суть простыя соединенія, такъ сказать, механическія и числовыя суммы отдѣльныхъ лицъ, какъ напр. товарищества, компаніи, артели, ассоціаціи, которыхъ свойства и природа, даны въ свойствахъ самихъ слагаемыхъ единицъ и даже ихъ произволомъ. Свойство и значеніе каждаго товарищества, опредѣляются волею и договоромъ товарищей. Это вовсе не общество человѣческое, естественное, а искуственное, гражданское, договорное. Человѣческое, естественное общество,—общество по преимуществу,— общество Аристотеля, сказавшаго: человѣкъ есть общественное существо, имѣетъ само въ себѣ и основаніе и значеніе и задачу.

не только независимыя отъ лицъ отдѣльныхъ, но вліяющія на самую природу этихъ лицъ, своихъ членовъ. Таковы напр. семья, церковь, народъ, государство. Это не подлежитъ сомнѣнію, и намъ должно здѣсь остановиться на выясненіи главныхъ сторонъ природы и явленій человѣческаго общества.

Изъ приведеннаго примѣра уже видно, что формы этого общества такъ же разнообразны, распадаясь на общества элементарныя, составныя, восходящія до идеи народа, и на общества народныя, окончательныя, полныя, уже сливающіяся съ понятіемъ человѣчества. Къ элементарнымъ относятся: семья, общины сельскія и городскія, земства уѣздныя и губернскія, или областныя и провинціяльныя, вплоть до ихъ суммы народа, обобщающаго съ своей стороны бытіе новымъ обществамъ, полнымъ, народнымъ, высшимъ, каковы—церковь, земство въ его народной цѣльности и государство. Все это такъ же общества, но высшаго порядка, столько же вліяющія на свои элементарныя общества, сколько послѣднія на своихъ отдѣльныхъ членовъ, изъ которыхъ такимъ образомъ каждый непремѣнно принадлежитъ и подлежитъ церкви, народному земству и своему отечеству, государству. Церковь, земство и государство суть три вида воплощенія и одной идеи народа; и вотъ почему не только государство, но и земство и церковь могутъ быть названы личностію, возведенной въ степень, die potenzirte Persönlichkeit. Въ народѣ тоже существо, что и въ отдѣльномъ человѣкѣ, равно какъ отдѣльный человѣкъ носитъ въ себѣ, какъ въ зародышѣ, всю природу народа. Въ каждомъ лицѣ мы находимъ троякое направленіе, или стремленіе: къ религіи и морали, къ наукѣ, искусству, труду и богатству, и къ обезпеченному пользованію всѣми этими благами, праву; откуда въ народѣ являются церковь, для осуществованія идей религіозно-моральныхъ, земство, для дѣлъ просвѣщенія, промышленности, вообще цивилизаціи, и государство для воплощенія общенародной силы и всенароднаго права при дѣйствіи въ народѣ верховной власти.

Какъ отдѣльныя лица, такъ и всѣ эти человѣческія общества, по силѣ своей человѣческой природы, суть субъекты права, образующіе каждый особую свою систему, такъ что мы не можемъ не отличить двухъ существенно различныхъ системъ права—частнаго, гражданскаго и общественнаго, съ подраздѣленіемъ послѣдняго на церковное, на земское, или собственно общественное, и на государственное. Здѣсь мы имѣемъ задачею устано-

вить значеніе земскаго, или собственно общественнаго права, и для этого должны начать съ понятія о народѣ, въ значеніи земства, въ отличіе отъ народа въ значеніи государства и церкви.

Обыкновенно, сравниваютъ исторію народа, или его жизнь съ теченіемъ рѣки, и мы не можемъ не признать вѣрности сравненія, относя его именно къ земству. Да, подобно тому, какъ рѣка не мыслима безъ своихъ береговъ, и своего русла, народъ съ его земскою жизнію осѣняется двумя берегами,—однимъ высокимъ твердымъ, часто очень крутымъ,—государствомъ, и другимъ, болѣе отлогимъ, болѣе доступнымъ и въ этомъ смыслѣ близкимъ къ населенію церковію. Среди этихъ своихъ береговъ, въ ихъ предѣлахъ, и по ихъ направленію, народъ совершаетъ теченіе своей земской жизни, подчиняясь въ тоже время законамъ этой жизни, опять какъ рѣка, повинующаяся своему закону тяготѣнія, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ отъ рѣки, что оба берега народной жизни, государство и церковь, образуются, составляются, или формируются самымъ теченіемъ, самою жизнію народа, и потому носятъ постоянно народный характеръ, и имѣютъ въ себѣ много сроднаго съ народностію и съ земствомъ. Государство самодержавно, и самостоятельно совершаетъ свое развитіе, равно какъ свободно располагаетъ средствами самохраненія; но и церковь имѣетъ самостоятельное призваніе, и самостолтельно выполняетъ свою задачу, по праву обезпеченно и независимо; но и у земской жизни народа есть своя самостоятельность, какъ въ развитіи, такъ и въ сохраненіи, при посредствѣ законнаго самоуправленія. Совершенно также, какъ отдѣльный человѣкъ самъ пріобрѣтаетъ то, что для него нужно,—самъ распоряжается тѣмъ, что ему принадлежитъ, и самъ все свое защищаетъ. Въ этихъ актахъ пріобрѣтенія, или развитія, охраненія и защиты,—да, распоряженія и управленія заключается вся сумма правъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и обществъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что, какъ право частное такъ и земское родятся, существуютъ и дѣйствуютъ частію подъ вліяніемъ, но всегда въ предѣлахъ началъ церкви и государства, постоянно стремящихся къ тому, чтобы своимъ началамъ сообщить силу неизмѣнныхъ догматовъ. Такъ въ вѣрѣ и въ морали, а равно и въ области политическаго устройства и государственныхъ установленій, постоянно дѣйствуютъ извѣстныя неизмѣнныя начала и ученія, тогда какъ въ быту отдѣльныхъ лицъ и

въ сферѣ земства, все совершается путемъ безконечнаго прогресса. Таково положеніе наукъ, искусствъ, труда и промышленности, и потому-то для нихъ указываются границы, предѣлы, частію направленіе въ самыхъ берегахъ, земской народной жизни.

И такъ общество, въ значеніи народнаго земства, несомнѣнно имѣетъ свое особое земское право, состоящее какъ всякое другое право, изъ самоуправленія, саморазвитія и самосохраненія. Все различіе тутъ только въ названіи, въ словахъ, но за то въ подробностяхъ есть даже противоположеніе. Въ частномъ, или гражданскомъ правѣ, все раздѣлено, раздроблено, даже исключительно преступною почитается всякая мысль, напр. относительно общенія имуществъ; наоборотъ въ общественномъ, церковномъ ли, государственномъ, или земскомъ, идея общенія и одинаковости правъ, обязанностей, повинностей и т. д. составляетъ цѣль для разумнаго законодательства. Такъ спеціально въ земскомъ правѣ и самоуправленіе должно быть доступно для всѣхъ и каждаго, и удобства, и богатство, или довольство, и ученіе, или образованіе и просвѣщеніе, и обезпеченное бытіе, все это пріобрѣтается обществомъ для того, чтобы содѣлать каждаго и всякаго сочлена, участникомъ этихъ благъ общественныхъ. Общества имѣютъ права, только для сообщенія ихъ отдѣльнымъ людямъ, лицамъ, членамъ, которыхъ соединяетъ природа въ общества, именно для ихъ счастія полнаго, человѣческаго, носящаго разныя названія, то félicité parfaite, какъ у Деламора, то Wohlfahrt, какъ у Ф. Берга, то благосостоянія, какъ у Бунге, или Андреевскаго, и пр.

Въ чемъ же состоитъ это полное человѣческое благо, или счастіе? Начнемъ съ того, что тутъ необходимо различать частное благо, т. н. счастіе отъ общественнаго блага, или собственно благосостоянія общества, конечно, не по существу, но по формѣ проявленія, а именно по тому, что общественное благо общества, тотчасъ становится личнымъ счастіемъ, переходя въ пользованіе частнаго лица. Таково напр. просвѣщеніе, богатство, довольство, удобства, которыя въ обладаніи общества слывутъ за его блага, а содѣлавшись достояніемъ частныхъ людей, составляютъ ихъ счастіе. Въ общественномъ правѣ, мы говоримъ о развитіи общественнаго, или народнаго благосостоянія, и этого термина держимся въ слѣдующемъ изложеніи. И такъ въ чемъ же состоитъ общественное или народное благо? Понятно, послѣ вышесказаннаго, что, являясь цѣлію

для стремленія человѣка и народа, или къ религіозно-моральному, или къ разумно-полезному, или къ обезпеченно-правому, благо человѣка и народа представляется въ трехъ видахъ, составляющихъ задачу трехъ отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ, церкви, земства и государства. Понятно далѣе, что въ этомъ мѣстѣ мы ищемъ установить понятіе о благѣ народа, какъ земства, при чемъ оказывается, что это благо народа прежде всего является въ самомъ бытіи народа, который бьется за него и воюетъ, считая бытіе своимъ благомъ и правомъ. Но это бытіе народа, само имѣетъ двоякое значеніе, представляясь намъ, какъ бытіе того внутренняго, жизненнаго единства, которое изъ населенія страны, дѣлаетъ народъ, и какъ осуществленіи этого единства, или собственно существованіе народа. Въ первомъ значеніи, бытіе народа, вызываетъ вопросъ объ его формаціи, или образованіи, которое также совершается двоякимъ путемъ,— нисходящимъ, когда народъ образуетъ изъ себя исключительную національность, по единству своего происхожденія, языка, территоріальнаго владѣнія, и восходящимъ, когда этотъ же народъ возвышается до сближенія съ другими народами и съ человѣчествомъ,—этимъ океаномъ, куда вливаются всѣ отдѣльные народы, посредствомъ своихъ сообщеній, дорогами, почтами, телеграфами, или посредствомъ своей промышленности и своего просвѣщенія, возводимыхъ до степени общечеловѣческой и всемірно-исторической. Во второмъ значеніи, существованія народа и развитія этого существованія, бытіе народа вызываетъ вопросъ о народонаселеніи, при посредствѣ развитія браковъ и семействъ, общинъ и земствъ, равно какъ при посредствѣ власти, принадлежащей народу, по его идеѣ, расширять на все живущее въ его странѣ народный языкъ, народное просвѣщеніе народную вѣру, народные законы, и юридическіе обычаи, и воззрѣнія. Не дѣйствію ли такой власти должно приписать ту крѣпость покоренія, русской державѣ царствъ: Астраханскаго, Казанскаго, Сибирскаго?

Второй видъ народнаго блага, свобода. за которую народъ также бьется и воюетъ, дорожа ею, какъ жизнію, и которую онъ также распространяетъ на всѣ свои элементарныя общества и на каждое отдѣльное лицо, то противодѣйствуя началу несвободы, посредствомъ напр. отпущенія на волю и эмансипаціи рабовъ, то благопріятствуя развитію положительной самостоятельности и свободы своими началами для устройства семьи

общины, земства. Не потому ли античный міръ,—миръ, допускавшій рабство ex jure gentium, или naturae, не допускалъ брака и семьи въ быту рабовъ, разсматривая ихъ, какъ отдѣльныя вещи, безъ всякихъ связей родства и общества? И не должно ли признать введеніе браковъ и семьи въ бытъ рабовъ, совершенное христіанскою церковію, первымъ шагомъ человѣчества къ эмансипаціи? Начало нерасторжимости брака и семьи, конечно, послужило первымъ ограниченіемъ для власти господина, не имѣвшаго, въ Христіанствѣ, права разлучать то, что соединилъ самъ Богъ. Изъ этого движенія къ свободѣ вообще, наконецъ вытекаютъ для народа и для отдѣльныхъ его членовъ, свобода совѣсти и убѣжденій,—свобода слова и печати,—свобода общественнаго обсужденія своихъ дѣлъ,—свобода промысловъ,—свобода литературы и т. п. По законамъ всѣхъ странъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ началомъ, или принципомъ признается свобода, только различно опредѣляемая въ ея границахъ, или размѣрѣ, подъ вліяніемъ особенно уголовнаго права, чрезъ что сама свобода становится положительнымъ правомъ и лицъ и обществъ.

Третій видъ общественнаго блага,—обладаніе землею, или господство надъ тою частію міра и природы, которую исторія присудила каждому отдѣльному народу, при чемъ этотъ высшій обладатель также стремится доставить своимъ составнымъ элементамъ и отдѣльнымъ лицамъ, возможность имѣть поземельное владѣніе, даже въ видахъ своей осѣдлости и осуществленія своего народнаго господства. Это совершается учрежденіемъ разныхъ видовъ поземельнаго права, каковы напр. владѣніе верховное государства и казны,—владѣніе общинное, по селамъ и городамъ,—владѣніе родовое, по семействамъ,—владѣніе личное, крѣпостное, съ правомъ наслѣдованія, въ рукахъ отдѣльныхъ людей. Но въ тоже время за главнымъ хозяиномъ остаются права экспропріаціи, выморочности, конфискаціи, и учрежденіе давности. Такимъ образомъ уясняется производное значеніе личной, исключительной собственности, относящейся преимущественно къ т. н. вещамъ, или къ отдѣльнымъ движимымъ имуществамъ, да такъ, что изъ нихъ нѣкоторыя, напр. произведенія литературы, искусствъ, художествъ подлежатъ личной собственности, только на извѣстный срокъ, послѣ котораго онѣ становятся достояніемъ общественнымъ, подобно выморочному поземельному праву.

Поземельное народное владѣніе осуществляется преимущественно осѣдлостію народа и его элементовъ; осѣдлость же, разобщая, эти его элементы,—села, города, области, вызываетъ у народа потребность къ поддержанію своего единства, посредствомъ, открытія движенія по рѣкамъ и озерамъ, равно какъ по всѣмъ путямъ и дорогамъ, для того, чтобы каждый дворъ могъ имѣть сообщеніе со всѣми дворами села и города, и чтобы каждое село и каждый городъ могли сноситься со всѣми селами и городами, и не только въ пространствѣ своей страны, но далеко за ея предѣлами, на пространствѣ всего Божьяго міра. Вотъ основанія для учрежденія путей сообщенія, почтъ, телеграфовъ и другихъ возможныхъ, напр. воздушныхъ, или аэростатическихъ путей для сближенія разныхъ составныхъ элементовъ самаго человѣчества.

Того требуютъ преимущественно тѣ блага, которыя въ обыкновенной жизни считаются главными благами народовъ—богатство ихъ и просвѣщеніе, или иначе, промышленность и духовное благосостояніе, или, что тоже трудъ и труды народовъ въ матеріальной и въ духовной области ихъ жизни, или, наконецъ цивилизація. Промышленность и просвѣщеніе составляютъ трудъ народовъ, и развиваются трудами націй, такъ что, въ этомъ смыслѣ, онѣ называются и народною промышленностію и народнымъ просвѣщеніемъ. Ни то, ни другое изъ этихъ проявленій труда не можетъ быть совершено безъ воли, безъ иниціативы, безъ усилій народа и народовъ, взятыхъ отдѣльно; но развитію того и другаго изъ этихъ проявленій положены предѣлы въ силахъ, способностяхъ и въ средствахъ каждаго отдѣльнаго народа, такъ что полное развитіе промышленности и просвѣщенія даже въ этомъ данномъ народѣ условлено содѣйствіемъ другихъ народовъ и всего человѣчества. Промышленность и просвѣщеніе сперва народныя стремятся, по своей природѣ, содѣлаться всемірными, подобно путямъ сообщеній и средствамъ сношеній. Не могутъ артели, ассоціаціи, даже сословія одного государства вступать въ интернаціональные союзы съ другими артелями, ассоціаціями, сословіями, не становясь красною, или черною, вообще законопреступною интернаціоналкой, но купцы и промышленники, ученые и художники имѣютъ право составлять всемірные съѣзды, установлять всемірныя выставки, принимать участіе во всемірной промышленности и всемірномъ просвѣщеніи. Это законная, если такъ можно выразиться, бѣлая

интернаціоналка. Такова ширина, таковъ объемъ вопроса о просвѣщеніи народа и его промышленности, соотвѣтственно вопросу о путяхъ сообщенія и средствахъ сношеній. Свойства вопроса о просвѣщеніи и промышленности опредѣляется анализомъ, по которому, какъ просвѣщеніе состоитъ изъ воспитанія, обученія, образованія и собственно просвѣщенія, такъ и промышленность имѣетъ свои элементы въ работѣ, трудѣ, въ промыслѣ и собственно въ промышленности. Наблюденіе надъ этими элементами показываетъ, что они во взаимномъ между собою соотношеніи, посредствомъ котораго и совершаются въ народѣ и просвѣщеніе и промышленность, какъ самостоятельныя явленія народной жизни, подобно тому, какъ образуются въ странѣ пути и дороги тѣмъ, что по нимъ ходятъ, ѣздятъ, возятъ и т. п. Кто бы ни заводилъ тѣ—другія учрежденія, дорожныя ли, или учебныя, задачи учрежденій опредѣлены природою поручаемаго имъ дѣла, и обезпечиваются законами государства, въ формѣ уставовъ и т. п., что служитъ основою для права населенія пользоваться учрежденіями, какъ для своего сближенія, такъ и для развитія своей промышленности и своего просвѣщенія. Вотъ схема для юридическаго построенія ученій о правѣ народной промышленности и народнаго просвѣщенія, хотя въ краткихъ намекахъ.

Весь этотъ циклъ благъ общественныхъ, или народныхъ подлежатъ дѣятельности сохраненія, и именно со стороны того, кому блага принадлежатъ, слѣд. дѣятельности общества и народа, или населенія. Мы отличаемъ сохраненіе отъ охраненія, и предоставляя сохраненіе народу, охраненіе относимъ къ государству, которое, стоя, какъ бы, подлѣ народа, или у народа и благъ его, охраняетъ ихъ, какъ отъ внѣшнихъ враговъ, непріятелей вооруженныхъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ, злоумышленныхъ преступниковъ,—охраняетъ извнѣ войсками и флотомъ, или дѣятельностію своихъ дипломатовъ, а внутри, судомъ и расправой, администраціей, или полиціей, съ ея предупрежденіемъ и пресѣченіемъ преступленій. Для всего этого дѣла охраненія нужны, по нашему закону, лица, «власть имѣющія». Сохраненіе напротивъ есть и дѣятельность и право того, кому принадлежитъ предметъ, или объектъ сохраненія. Тѣмъ болѣе, что выражаясь словами г. Андреевскаго, «опасность грозитъ» здѣсь вовсе не отъ природы, или силъ ея и законовъ, а такъ же отъ дѣятельности, или правильнѣе отъ недѣятельности лицъ

и обществъ. Слишкомъ живописно выраженіе г. Андреевскаго, по которому въ каждомъ случаѣ пожара мы «боремся съ природою»; въ обыкновенномъ быту, здѣсь должно говорить о неосторожности домохозяевъ, или владѣльцевъ въ обращеніи съ огнемъ, такъ же точно, какъ въ вопросѣ о народномъ продовольствіи, который легко улаживается благоразумнымъ сбереженіемъ запасовъ по общинамъ, или въ дѣлѣ народнаго здравія, гдѣ распространеніе разумныхъ понятій, въ семьѣ, въ общинѣ, о гигіенѣ, или образѣ жизни, несомнѣнно, доставятъ народу гораздо болѣе пользы, чѣмъ можетъ то сдѣлать вся медицинская полиція, развивающаяся, какъ извѣстно, по преимуществу въ столицахъ и въ большихъ городахъ. Предупрежденіе, какъ дѣятельность отдѣльныхъ людей,—пресѣченіе какъ дѣятельность общинъ, селъ и городовъ, и застрахованіе со стороны земства, или взаимное страхованіе составляютъ, во всѣхъ вопросахъ сохраненія, самыя дѣйствительныя мѣры и единственный предметъ общественной сохранительной дѣятельности. Итакъ все это дѣло общества, отъ семьи, съ ея воспитаніемъ, до земства, до народа, и составляетъ опять предметъ права народа, или общества на самосохраненіе.

Отсюда, естественно, выводимъ мы свое понятіе о самоуправленіи общества, или о третьемъ объектѣ общественнаго права. Признавая благо, въ описанномъ размѣрѣ, равно какъ его сохраненіе принадлежностію общества, законъ разумно усвоилъ обществу власть «самостоятельно» распоряжаться въ этой сферѣ, и такимъ образомъ создалъ идею и дѣло самоуправленія. Да, законъ, законодатель, верховная власть, государство, и не иначе. Вѣдь и вѣра дѣйствуетъ въ извѣстной странѣ, по силѣ закона, и только по этому является въ формѣ церковнаго права, хотя, конечно, ея догматы не зависятъ отъ государства и его законовъ, которые только сообщаютъ всему значеніе обязательныхъ нормъ и права. Такъ же точно не зависятъ отъ законовъ ни истина науки, ни идеалъ искусства, ни понятіе наше о богатствѣ, или о средствахъ достичь богатства, и между тѣмъ законы должны опредѣлить дѣятельность тѣхъ учрежденій, въ которыхъ совершается образованіе, ученыхъ, художниковъ, и лицъ, посвятившихъ себя торговлѣ, или взаимныя отношенія между дѣятелями, напр. между учрежденіями и обществомъ, между наставниками и слушателями, между хозяевами и рабочими, мастерами и учениками, и т. д. Другими словами, въ государствѣ

вся наша жизнь опредѣляется законами, но въ слѣдствіе того она получаетъ только высшее значеніе права а не дѣлается ни государственною, ни полицейскою. Частное гражданское право не перестаетъ быть частнымъ отъ того, что его опредѣляютъ гражд. законы государства. Вотъ еще пунктъ, недовольно выясненный у г. Андреевскаго, и чрезъ то введшій нашего автора въ особую ошибку, считать всю нашу дѣятельность и всю нашу жизнь, какъ бы, подъ постояннымъ полицейскимъ надзоромъ потому только, что вся эта жизнь опредѣлена законами. Итакъ, не зависимо отъ подобныхъ заблужденій теоріи, самъ законъ утвердилъ за русскимъ обществомъ право на самоуправленіе. У общества самоуправленіе тоже, что у отдѣльныхъ лицъ свобода. И тутъ умѣстно предложить вопросъ, столь часто возбуждаемый, при чтеніи полиц. права г. Андреевскаго: чего не могутъ сдѣлать частныя лица. Или иначе: зачѣмъ сюда мѣшать общества, при свободной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ? Вопросъ весьма важный, впервые выставленный Ф. Молемъ, и затѣмъ повторяемый всѣми его послѣдователями, и разрѣшаемый въ нашей теоріи, какъ могли замѣтить всѣ читатели, внимательно слѣдившіе за нашимъ теперешнимъ изложеніемъ, весьма просто и ясно, а именно тѣмъ, что частныя лица, отдѣльно ли разсматриваемыя, или въ видѣ артелей, ассоціацій, компаній, вообще союзовъ, Vereine, не могутъ совершать и совершить ничего такого, что входитъ въ область дѣятельности человѣческихъ обществъ, и ничего изъ того что даютъ намъ эти общества, напр. браки и семьи, общины сельскія городскія, земства уѣздныя и губернскія, народъ, земство, церковь, государство. Владѣя преимущественно движимымъ, да располагая особенно работою, и соединяясь въ союзы только своими капиталами, какъ въ компаніяхъ, или работами, какъ въ артеляхъ и ассоціаціяхъ, частныя лица, конечно, не могутъ внѣ семьи воспользоваться семейною жизнью, домашнимъ воспитаніемъ, —внѣ общины, владѣть общинною землею, или магазиномъ и лавкой,— внѣ земства, располагать выборами и такою дѣятельностію, которою они могли бы оказать вліяніе на дѣло просвѣщенія въ предѣлахъ своего уѣзда, или умепьшенію пьянства, разврата, или развитію мѣстнаго судоходства и т. д. Отсюда же объясняется, что въ область самоуправленія входятъ, какъ дѣятели, 1) семья, съ ея домашнимъ богослуженіемъ, воспитаніемъ, хозяйствомъ, промысломъ, управленіемъ, — 2) община, съ ея вла-

стію и задачею, устроять храмы, школы, рынки и базары, дороги и мосты, улицы и ихъ освѣщеніе, равно какъ мѣстное общинное управленіе, и 3) земства, сообразно закону объ ихъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ по тому же закону, самостоятельно, въ предѣлахъ своего географическаго очертанія и своего законнаго вѣдомства,—вѣдомства, почти буквально уравненнаго съ цѣлымъ объемомъ полицейскаго права г. Андреевскаго и др.

Если все это такъ, гдѣ же мѣсто для такъ назыв. полицейской дѣятельности государства, или правительства, о которой нашъ авторъ написалъ два объемистыхъ тома, въ полторы тысячи страницъ? По его ученію, полиція дѣйствуетъ вопервыхъ тамъ, гдѣ силы частныхъ лицъ недостаточны; мы показали, что въ этомъ случаѣ, дѣйствуетъ общество, а не полиція, которая, конечно, ничего не прибавитъ къ нашему семейному счастію, ни къ нашему общинному благоустройству. При нуждѣ, у общины дѣйствуетъ своя полиція, сельская, или городская. Но во вторыхъ, по ученію нашего автора, не все можетъ быть выполнено дѣятельностію общества, и тутъ должна явиться полиція, забывая прибавить: по иниціативѣ, по желанію, по просьбѣ, или по требованію общества. Не токмо полиція, напр. обязанная, по дѣйствующему городовому положенію, наблюдать за исполненіемъ разныхъ правилъ, предписанныхъ думою, но и государственная администрація можетъ быть возбуждена къ содѣйствію обществу, въ его законныхъ и благихъ начинаніяхъ, путемъ ходатайства, просьбы, и оттуда раждающагося для администраціи убѣжденія въ пользѣ и благотворности ея вліянія и вмѣшательства въ дѣла общества. На этомъ основаны наши конвенціи съ сосѣдями о дорогахъ, почтахъ, телеграфахъ, на этомъ зиждутся наши трактаты о торговлѣ, о тарифѣ, или о покровительствѣ авторамъ, въ случаѣ перевода ихъ сочиненій, представленія ихъ твореній и на сценѣ, или контрфакціи, и т. д. и т. д. Но, очевидно, что при этомъ и основаніе дорогъ, въ странѣ, и заведеніе фабрикъ, и образованіе ученыхъ литераторовъ, художниковъ, все это остается нашимъ народнымъ, общественнымъ дѣломъ. Прибавимъ наконецъ, что правительство, пользующееся всѣми результатами народнаго развитія, для своихъ спеціальныхъ цѣлей, для войны, для суда, и для управленія, въ тоже время, можетъ устроять свои спеціальныя средства для образованія военныхъ людей,—судей,—администраторовъ, и вообще своихъ служащихъ, нисколько не уничтожая

чрезъ то, и даже не ослабляя лежащей на обществѣ самостоятельной и обязательной дѣятельности саморазвитія, при посредствѣ его самоуправленія.

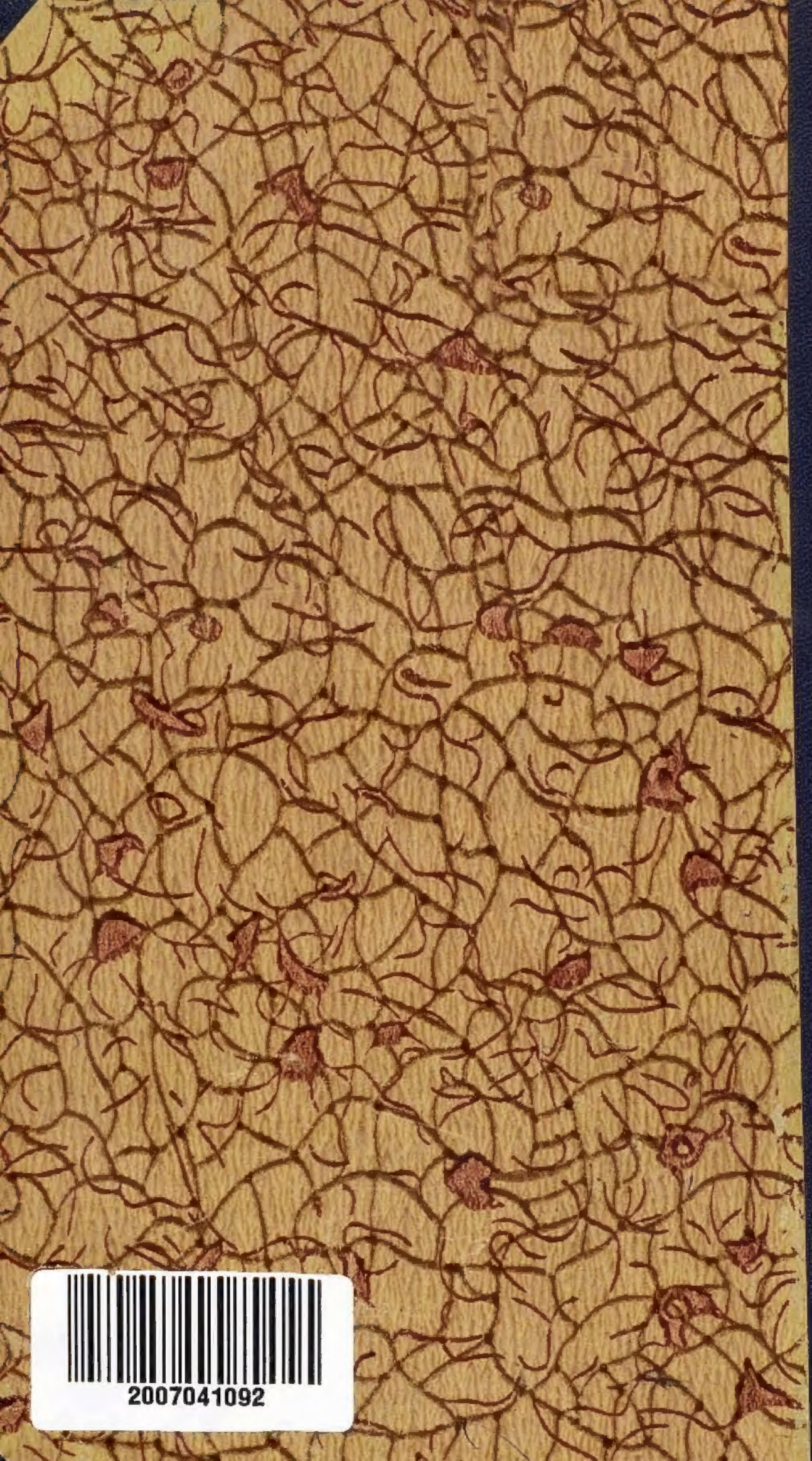
Итакъ еще разъ, гдѣ же это полицейское право Б. Бунге и Андреевскаго? И не должно ли поставить на его мѣсто право общественное, не смотря на то, что уставы нашихъ университетовъ дѣйствительно молчатъ о правѣ общественномъ, и говорятъ о полицейскомъ? Но тѣже университетскіе уставы прежде говорили въ этомъ случаѣ о «государственномъ благоустройствѣ и благочиніи», и однакожъ уступили требованіямъ науки, и замѣнили свой терминъ другимъ—полицейскимъ правомъ. Почему же не думать, особенно имѣя въ виду полный пересмотръ устава, что министерство народнаго просвѣщенія будетъ скорѣе благодарно ученымъ, которые откроютъ ему невѣрность принятаго въ прежнихъ уставахъ термина, и необходимость замѣнить ихъ полицейское право общественнымъ? Научныя убѣжденія имѣютъ силу надъ просвѣщенными умами, съ которыми одними имѣемъ здѣсь дѣло.

В. Лешковъ.

Апрѣля 29.
1873 года.

Дозволено цензурой. Москва, 18-го іюля 1873 года.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.



2007041092